

Чу Фань застыл на мгновение. Он никак не ожидал, что Чжэн Вэй осмелится обижать учеников прямо в школе. Когда пелена изумления спала, он разглядел, кого именно притесняют, и в ту же секунду почувствовал, как гнев ударил в голову, а сердце сжалось от жалости. В голове пульсировала лишь одна мысль: его младшего брата обижают. Брата, которого родители берегли как зеницу ока, притесняют! Не раздумывая, Чу Фань рванулся вперед, сокращая расстояние в несколько широких шагов.

Чжэн Вэй не ожидал внезапного нападения и, потеряв бдительность, повалился на землю. Его рука содралась о камни, причиняя резкую боль, а Чу Лян, которого он до этого удерживал, тоже наполовину упал на землю.

Подняв голову, Чжэн Вэй увидел перед собой Чу Фаня с перекошенным от ярости лицом. Он знал, кто это: единственный во всей школе парень, который не считался с его авторитетом. К тому же, Фу Янь прямо при нем признавалась, что ей нравится Чу Фань, что вызывало у Чжэн Вэя лишь раздражение. В конце концов, он был сильнее Чу Фаня, так почему же Фу Янь не обращала на него никакого внимания?

Сначала испугавшись внезапного появления, а теперь получив толчок от Чу Фаня, он почувствовал, как его лицо заливается краской стыда — нельзя было так просто оставить этот позор. В ярости он замахнулся и ударил Чу Фаня.

Чу Фань уклонился от кулака, подхватил лежащего на земле Чу Ляна и отступил на несколько шагов. Мальчик наконец смог перевести дыхание, и его лицо начало постепенно розоветь. Увидев, что первый удар прошел мимо, Чжэн Вэй тут же нанес второй.

Усадив Чу Ляна в безопасное место, Чу Фань увернулся и сам нанес ответный удар. Кулак получился тяжелым и пришелся прямо в переносицу Чжэн Вэя, из которой тут же хлынула кровь. Вскоре они сцепились в драке. Среди сверстников Чу Фань считался высоким, он был ловким и сильным — не зря же лазил по деревьям за птичьими яйцами и ловил крабов в реке. Чжэн Вэй был на два класса старше и куда крупнее, но из-за отсутствия физической нагрузки и недавнего пристрастия к курению он вел себя вяло, поэтому инициатива быстро перешла к Чу Фаню.

Чу Лян постоял некоторое время, тяжело дыша, пока перед глазами все еще плыло. Наконец зрение сфокусировалось, и он увидел двоих дерущихся на земле. Это был Чу Фань, чье лицо уже покрылось синяками.

У Чжэн Вэя кровь шла носом, а лицо Чу Фаня было исцарапано. Увидев, что его приятель проигрывает, Фу Хун тоже бросился в бой. Теперь Чу Фаню приходилось сражаться вдвое на одного, и вскоре его прижали к земле. Чу Лян был в ужасе. Даже когда новые родители наказывали его, запирая в темном чулане, ему не было так страшно. В голове всплывали смутные картины кровавых пятен, и он разрыдался в голос. Крик был таким громким, что вскоре на шум сбегались люди.

Ученики, увидевшие, что в драке замешан Чжэн Вэй, побоялись вмешиваться. Кто-то позвал

учителя, и с его приходом потасовка наконец прекратилась.

Выйдя из учительской, Жуань Вэньли не нашла Чу Ляна. Она искала его повсюду, но не обнаружила, и уже собиралась расспросить студентов на спортплощадке, как вдруг услышала душераздирающий плач. Сердце ее екнуло: это был голос Чу Ляна. Растолкав учеников, она увидела лежащего на земле Чу Фаня. Его лицо было в ссадинах, руки в синяках, а кое-где содранная кожа кровоточила. Чу Лян, бледный как полотно, рыдал, обнимая брата. Увидев мать, он начал звать ее сквозь слезы.

Этот зов матери пронзил сердце Жуань Вэньли острой болью. Обняв Чу Ляна и помогая подняться Чу Фаню, она быстро осмотрела их раны, и лишь тогда ее напряжение немного спало.

— Кто ударил моего сына? — голос Жуань Вэньли дрожал от ярости. Двое ее сыновей пострадали — неужели они думают, что она будет молчать? Напротив стоял Чжэн Вэй, вытирая кровь из носа школьной формой. Она знала этого мальчишку — известного на всю округу хулигана. Не говоря ни слова, она подошла к нему: — Это ты ударил моего сына?

Чжэн Вэй видел Жуань Вэньли раньше на школьных собраниях, когда она приходила вместе с Чу Фанем. От ее резкого выкрика он вздрогнул, но, посчитав, что пугаться — это позорно, гаркнул в ответ:

— А кто просил его толкаться?

— А почему он тебя толкнул? — снова рявкнула Жуань Вэньли.

— Потому что он обижал моего брата, — Чу Фань распрямился, хотя колено, ударившееся об острый камень, нещадно ныло и, вероятно, уже опухло. Теперь ему приходилось переносить вес тела на одну ногу.

Чу Лян, напуганный происходящим, смотрел на Чу Фаня, сплошь покрытого ранами. Слезы градом катились из его больших глаз, но взгляд был намертво прикован к Чжэн Вэю.

В конечном итоге учитель нашел у Чжэн Вэя сигареты и зажигалку. Тот признался, что первым начал задирать Чу Ляна, а Чу Фань лишь вступился за него. В результате хулиган получил строгий выговор, а учитывая ворох прошлых проступков, Чжэн Вэй и Фу Хуна отстранили от занятий.

Чу Фань тоже не избежал разговора — его, хромающего, вызвали в кабинет на полчаса, но в итоге никаких наказаний не последовало.

Просидев в школе до самого вечера, они наконец выбрались наружу. Мать вызвала такси, чтобы Чу Фань с Чу Ляном доехали до дома, а сама поехала следом на велосипеде.

— Ох, нога... — прошипел Чу Фань, садясь в машину. Похоже, коленную чашечку он все-таки

повредил.

Мальчик смотрел на брата, и слезы снова покатались по его щекам. Сжимая кулаки так, что костяшки побелели, он прошептал, глядя на нахмуренное лицо Чу Фаня:

— Брат, больно?

— Разве может быть не больно, — машинально ответил Чу Фань, но, увидев заплаканные глаза малыша, тут же поправился: — Нет-нет, совсем не больно. Эй, не плачь, от твоих слез мне еще хуже становится. — Тут он заметил на шее мальчика синяки и стиснул зубы, жалея, что не отделал Чжэн Вэя еще сильнее.

— Правда не больно? — он ведь отчетливо слышал, как Чу Фань пожаловался на боль.

— Правда, я не такой уж неженка, — Чу Фань храбро ударил себя в грудь, но в этот момент такси резко затормозило, и он ударился коленом о спинку переднего сиденья. От боли на глазах выступили слезы. Стоило только соврать, чтобы успокоить ребенка, как возмездие настигло мгновенно.

После такого удара стало совсем худо.

Дома мать принесла мазь и указала на татами:

— Раздевайся и ложись.

Чу Фань смутился, но подумал, что здесь только свои — мать да младший брат — и послушно стянул штаны. Когда мать начала мазать ушибы, он почувствовал, как задница загорелась огнем:

— Мам, полегче! Ты что, убить меня хочешь? — Чу Фань покрылся холодным потом. Он и не подозревал, что там у него тоже все так болит.

После всех охов и стонов перевязка наконец закончилась. Оказалось, что рука сломана — как минимум десять-пятнадцать дней придется ходить с гипсом. Его правая рука, павшая в честном бою, теперь покоилась на перевязи у него на груди.

Чу Фань, прихрамывая, подошел к зеркалу: скула посинела и содрана, на лбу небольшая царапина — кровь уже остановилась, а на правой щеке три глубокие полосы.

— Чу Лян, я теперь изуродован. Что я буду делать, если потом жену не найду? — он не особо задумывался о женитьбе, просто слышал, как одноклассники вечно дразнили его, называя Ми Цзюань его будущей женой, вот и ляпнул первое, что пришло на ум.

Чу Лян замер. Жена? Это как в телевизоре? Он наклонил голову, размышляя: жена — это тот, с кем нужно быть всегда вместе? Он хотел быть только с Чу Фанем и новыми родителями. Раз у отца уже есть мама, то он просто женится на брате. Он поднял голову и теребя край рубашки, решительно заявил:

— Тогда я женюсь на брате.

Так брату больше не придется бояться, что он не найдет себе невесту.

Чу Фань, услышав это, забыл о боли и долго смеялся, а потом щелкнул мальчика по лбу:

— Ну ты даешь, Чу Лян.

Мальчик потер ушибленный лоб, провожая взглядом хромающего Чу Фаня. Он ведь говорил совершенно серьезно, почему же Чу Фань ему не верит?

Чу Фань, прихрамывая, присел на каменное крыльцо и начал гонять йо-йо туда-сюда. Повторив это несколько раз, он заскучал и просто уставился в одну точку. Дэн Юй искал его днем в школе, а не найдя, узнал от других ребят о драке. Когда он прибежал к дому Чу Фаня, то увидел его с рукой в гипсе, задумчиво смотрящего на землю.

Дэн Юй ткнул пальцем в повязку:

— Сломал?

Чу Фань поднял голову и с недовольством взглянул на Дэн Юя — вот уж, каркуша. Дэн Юй был ошарашен количеством ран на лице приятеля:

— Да ладно, так сильно отделали? Как ты вообще умудрился сцепиться с этим подонком Чжэн Взем? — он был в недоумении. Они с Чжэн Взем всегда старались не переходить дорогу друг другу, а тут такая жестокость. Неужели из-за той истории с Фу Янь? Дэн Юй слышал, что их с Фу Хуном обоих отстранили от учебы.

Чу Фань вкратце рассказал, что случилось. Услышав это, Дэн Юй подскочил на месте. Они дружили с детства, и раньше, сколько бы ни было противников, Чу Фань никогда его не бросал. А теперь, когда Чу Фань так пострадал, Дэн Юй не смог помочь и чувствовал себя ужасно.

— Проклятый Чжэн Вэй! В следующий раз увижу — порву на куски! — Дэн Юй был вне себя от ярости и топнул ногой, отчего его живот затрясся, как желе.

— Скорее, он тебя проглотит, — насмешливо бросил Чу Фань, но на душе у него потеплело — он знал, что это его настоящий брат.

После слов Чу Фаня Дэн Юй опустил голову и призадумался. Драться он совсем не умел и каждый раз полагался на защиту друга. Он покраснел и пробурчал:

— Мне и драться с ним не нужно, я его просто своим весом раздавлю. — И он даже похлопал себя по бокам, где слой жира был особенно внушительным.

Вид Дэн Юя, который был в два раза больше его самого, заставил Чу Фаня рассмеяться. Он поверил, что Дэн Юй действительно мог бы раздавить Чжэн Вэя. Убедившись, что с Чу Фанем все более-менее в порядке, Дэн Юй еще немного поболтал и отправился домой.

Вечером мама приготовила ребрышки, сказав, что это в честь появления в семье нового

сокровища. Чу Фань выпил несколько ложек бульона, но мяса поест так и не смог: во время драки он прикусил губу изнутри, и жевать было больно. Ему оставалось лишь с тоской смотреть на полную кастрюлю мяса, чувствуя себя ужасно обиженным. Для Чу Фаня эти раны ровным счётом ничего не значили. Разве что рука, закованная в гипс и шину, да огромный синяк на заднице, полученный при падении на камни, доставляли неудобства — даже сидеть было больно, приходилось быть осторожным во всём, вплоть до сна.

После ужина мама велела обоим сыновьям сесть в гостиной. Чу Фань, из-за боли в пятой точке, предпочёл остаться стоять.

— Чу Фань, за то, что ты защитил младшего брата, я тебе аплодирую, — сказала мама и в самом деле хлопнула в ладоши. Чу Фань опешил: что это ещё за номер? Отхлопав, мама добавила: — Но драку я должна подвергнуть критике. Когда противников больше, нужно научиться оценивать ситуацию: если можешь победить — бей, если нет — беги. Кому нужно корчить из себя героя и бестолково подставляться под удары, когда шансов нет?

Чу Фань замер. Он никак не ожидал, что в вопросе драки его взгляды полностью совпадут с мамиными. Впрочем, в тот момент ему было не до раздумий — кровь ударила в голову, и ему хотелось лишь одного: разорвать Чжэн Вэя на куски.

Папа кашлянул:

— Ну нельзя же так учить детей. Это же типичное подстрекательство к дурному поведению.

Мама обернулась и бросила на него взгляд:

— Товарищ Чу Цюлинь, попрошу не мешать нашему разговору.

Папа промолчал и, уткнувшись в газету, продолжил чтение. Закончив с Чу Фанем, мама посмотрела на маленького, словно воробышек, Чу Ляна:

— Сяо Лян, ты сегодня сильно испугался. Иди-ка с братом спать.

Папа пребывал в явном недоумении. Он вышел во двор, подошёл к виноградной беседке и закурил. Мальчишка уже называет жену мамой, так почему же его самого всё ещё величает дядей?

Мама последовала за ним во двор и подошла к каменному столу. Ткнув пальцем в мужа, который всё ещё о чём-то размышлял, она спросила:

— Что такое? Заревновал?

Папа сделал глубокую затяжку и промолчал. Мама продолжила:

— Не торопись, всему своё время. Полагаю, он назвал меня мамой только потому, что сегодня очень испугался. Пусть малыш называет как хочет, со временем привыкнет.

Получив такое разъяснение, папа довольно хмыкнул. И правда, какая разница — ведь это всё равно его сын, называет он его папой или нет.

— Хорошего понемножку. Какая это уже сигарета за сегодня?

Услышав это, папа встрепенулся:

— Жена, больше не буду, обещаю. Пойдём, пора отдыхать.

Папа затушил сигарету и первым вошёл в дом, оставив маму позади с беспомощной улыбкой на губах. Чу Лян чувствовал глубокую вину и страх. Если бы он не убежал, ничего этого бы не случилось. И надо же было такому случиться в самый первый день в новом доме! Он ужасно боялся, что завтра новые мама и папа отправят его обратно в детский дом. Ему так нравилось здесь, он так хотел иметь семью. Мальчик протянул руку и, теребя край своей одежды, тихо и дрожащим голосом произнёс:

— Брат, прости меня.

Чу Фань слегка пошевелился, что было не очень удобно из-за наложенного гипса. Судя по голосу малыша, его глаза наверняка были полны слёз. От одной мысли об этом сердце Чу Фаня сжималось от жалости. Он протянул руку и погладил Чу Ляна по голове:

— Что ты такое говоришь? Ты мой младший брат, а значит, обидеть тебя — всё равно что обидеть меня. Если кто-то посмеет тронуть тебя, приходи ко мне, я разберусь.

Сказав это, Чу Фань вдруг почувствовал себя невероятно крутым, словно главарь мафии.

Чу Лян тихонько хмыкнул в ответ и замолчал. Когда Чу Фань уже почти погрузился в сон, раздался голос:

— Брат, ты ведь не бросишь меня?

Чу Фань был смертельно уставшим, но, услышав этот вопрос, облизнул пересохшие губы и пробормотал:

— Что за глупости ты выдумываешь? Даже если все в мире от тебя отвернутся, я тебя не брошу. Умираю от усталости, давай, спи уже.

Похоже, Чу Фань действительно был на пределе, потому что уснул почти мгновенно. Чу Лян вглядывался в его лицо сквозь ночную мглу. Слова брата подействовали как успокоительное, и страх в его душе начал отступать. Сегодня был первый день полноценных занятий для Чу Ляна. Учитель, заходя в класс с учебниками, каждый раз спрашивал о новом ученике, и на каждом уроке приходилось представляться. Чу Лян не знал, что сказать, поэтому всё утро его самопрезентация состояла из одной фразы: Меня зовут Чу Лян, мне восемь лет.

Одноклассники очень заинтересовались новеньким и на переменах сами подходили к нему

пообщаться. Чу Лян был не слишком разговорчив и большую часть времени проводил в тишине. Обстановка в новой школе была отличная, да и ребята оказались приветливыми. Единственное, что его огорчало, — это Пэй Линь, сидевший перед ним: он постоянно оборачивался, чтобы стащить ластик, никогда не возвращал его обратно, а еще любил рисовать прямо в его учебниках. Чу Ляну совсем не хотелось ни разговаривать с Пэй Линем, ни играть с ним.

Дэн Юй пропустил занятия из-за драки Чу Фаня и Чжэн Вэя, поэтому теперь он первым вылетал из класса, как только заканчивался урок. Он бежал к дверям класса Чу Фаня, ждал его, а затем они вместе шли к учебному корпусу, где учился Чу Лян. Чу Лян почти что вел обратный отсчет в уме: как только звенел звонок, он быстро собирал портфель и бежал к лестнице, не сводя глаз с дорожки, ведущей к другому корпусу.

Пэй Линь, собрав сумку, вышел из класса и увидел, что Чу Лян, встав на цыпочки, всматривается вдаль. Он подошел к нему и похлопал по плечу. Чу Лян был настолько сосредоточен на перекрестке впереди, что от неожиданности вздрогнул и резко обернулся, тут же столкнувшись лбами с подавшимся вперед Пэй Линем. Эта потасовка оказалась по-настоящему болезненной: перед глазами заплескали бесчисленные белые искорки, ноги подкосились, и Чу Лян с глухим стуком рухнул на землю. От резкой боли, пронзившей тело, на глазах невольно выступили слезы, и теперь в его широко распахнутых глазах дрожали влажные блики. Пэй Линь, растерявшись, даже не попытался помочь ему подняться — он просто застыл на месте, ошеломленно глядя на него.

В этот момент с лестницы спустился Чу Фань. Увидев, что Чу Лян сидит на полу и потирает ушибленный лоб, он почувствовал такой укол тревоги, что совсем позабыл о собственной ноющей заднице. Сделав несколько широких шагов, он подлетел к ним. Увидев слезы, застывшие в глазах малыша, словно рябь на воде, Чу Фань ощутил, как внутри всё сжалось. Он помог Чу Ляну подняться, а затем обернулся и бросил на Пэй Линя сердитый взгляд.

Пэй Линь знал, кто такой Чу Фань. Тот часто попадал в разные передраги: то дрался с шестиклассниками, то стоял в наказание у школьных ворот. В школе имя Чу Фаня гремело громко, поэтому Пэй Линь считал его пугающей личностью. Почувствовав страх под суровым взглядом, он невольно попятился на два шага назад.

Возможно, из-за вчерашнего происшествия на душе у Чу Фаня всё еще было беспокойно, поэтому лицо его выглядело мрачным. Но стоило Чу Ляну увидеть брата, как боль сразу же отступила. Он расплылся в улыбке и проговорил:

— Брат, ты пришел! Давай пойдем домой.

Чу Фань опустил взгляд и удивленно подумал: «А? Куда это подевались маленькие слезинки из уголков его глаз?»

Пэй Линь проводил взглядом уходящую троицу и разочарованно надул губы. Он ведь просто хотел поздороваться с новым учеником, кто бы мог подумать, что всё так обернется? Наверное, теперь Чу Лян и вовсе не захочет с ним общаться, а ведь ему на самом деле очень понравился

этот новенький.

Чу Фань в нелепой позе растянулся на татами. Он заметил, что Чу Лян стал всё больше к нему привязываться — даже ночью во сне норовил обязательно обхватить его за шею. Чу Фань пару раз пытался возмутиться, но, поняв, что это бесполезно, махнул рукой и позволил малышу обниматься сколько влезет.

Вечером Чу Лян, сняв одежду и оставшись в одних трусиках, прижался к Чу Фаню, перекинув руку ему через грудь. Чу Фань тяжело вздохнул:

— Слушай, Чу Лян, тебе самому не надоедает каждый день так обниматься?

Чу Лян промолчал, но руки не разжал. Его горячее дыхание щекотало шею — было одновременно и странно, и приятно. Чу Фань прищурился, тихонько хмыкнул и проворчал:

— Только не дави на мое достоинство, — после чего быстро уснул.

На следующее утро Чу Лян проснулся ни свет ни заря. Он вообще не любил валяться в постели: едва открыв глаза, он начинал пристально наблюдать за Чу Фанем и не вставал, пока мама не приходила постучать в дверь.

Чу Лян стоял у синих каменных ступенек за порогом, дожидаясь, пока Чу Фань выкатит велосипед. Вдалеке на другой стороне улицы он заметил Эрхоу: тот сидел на корточках перед домом и завтракал. Узкий переулок выходил на оживленную улицу, по обе стороны которой тянулись магазины, и дом Эрхоу находился как раз напротив их переулка.

Расстояние было приличным, но Чу Лян всё равно почувствовал, что Эрхоу смотрит в его сторону. От этого ощущения становилось не по себе: даже не видя выражения лица парня, он понимал, что тот смотрит неприятно. Быть в роли добычи, на которую охотятся, было крайне дискомфортно.

— Чего высматриваешь? Дэн Юй еще не пришел? — спросил Чу Фань, выкатывая велосипед из двора. Эрхоу к тому времени уже скрылся в доме. Чу Фань похлопал по заднему сиденью, приглашая Чу Ляна садиться, и оглянулся на переулок. По логике, Дэн Юй уже должен был быть здесь, но его всё еще не было видно.

— Вы Дэн Юя ждете? Кажется, он заболел. Его родители еще на рассвете унесли его на спине в больницу, должно быть, они всё еще там, — сказала тетушка Цзоу, которая вышла из дома за водой к старому колодцу, расположенному в глубине переулка.

Заболел? Но ведь еще вчера всё было хорошо. Чу Фань забеспокоился. Они с Дэн Юем дружили с самого детства, и, несмотря на лишний вес, тот всегда отличался крепким здоровьем и почти не болел.

Чу Лян посмотрел на нахмуренного Чу Фаня:

— Брат, я сам дойду до школы, ты иди проведай Дэн Юя.

Чу Лян не привык называть Дэн Юя братом и всегда обращался к нему просто по имени. Дэн Юй долго возмущался и дулся, но, поняв, что Чу Лян не передумает, в конце концов смирился.

— Ты справишься? — Чу Фань покрепче перехватил ремни рюкзака. Он всё еще переживал за Чу Ляна, ведь главный мост по пути в школу сейчас был на реконструкции, и там было довольно опасно.

— Всё в порядке, брат, иди, — ответил Чу Лян, помахал рукой и зашагал прочь из переулка. Чу Фань проводил его взглядом, и у него вдруг дернулось веко правого глаза — на душе стало как-то беспокойно. Он тряхнул головой, отбросил лишние мысли и покрутил педали в сторону больницы.

Стояла глубокая осень, утренний ветер уже нес в себе холод. Чу Фань не любил мерзнуть, поэтому, припарковав велосипед у входа, он вошел в больницу, то и дело выдыхая пар в озябшие ладони. С детства он почти не болел, и количество его визитов в больницу можно было пересчитать по пальцам одной руки, так что он совершенно не знал, куда идти. Немного поплутав, он наконец нашел Дэн Юя.

Когда Чу Фань вошел, Дэн Юй как раз очнулся, на его руке была капельница.

— Как ты здесь оказался? Ты же опоздаешь, — Дэн Юй взглянул на настенные часы; до начала занятий оставались считанные минуты.

— Ничего страшного. Что с тобой? Где твои родители? — Чу Фань подтянул стул, но садиться не решился — от холода ему казалось, что стоит сесть, как мороз пройдет прямо сквозь него до самой макушки. Он просто поставил рюкзак на стул и остался стоять рядом.

— Острый аппендицит. Скоро будет операция, а родители, наверное, сейчас оформляют документы на госпитализацию.

<http://bllate.org/book/21148/2144253>